

Лит. Россия, 1979, 2 марта

РАЗДУМЬЯ
НАД КНИГОЙ
СТИХОВ

«НАБЕЛО! И- ТОЛЬКО РАЗ»

НОВУЮ книгу Риммы Казаковой открывает стихотворение, в котором о жизни сказаны точные, строгие слова: «Не отпущено прикидок. Набело! И — только раз».

Да, человеку не дано превращать черновой вариант своего бытия в беловой; ничего не вычеркнешь, не допишешь. Не исправишь ни лишнего слова, ни поштыдного дела. Литератору проще: можно многократно перебивать рукопись своей книги, упорно доводить до кондиции не дающееся на первых порах стихотворение.

Размышляя над прочитанным в книге Р. Казаковой, я все больше утверждаю в мысли, что лучшие стихи в ней написаны набело. В пору зрелости многое взвешено, продумано, прочувствовано до конца. Я не боюсь сказать это, находя в новом сборнике поэтессы и поверхностные произведения, и длинноты, и всегда раздражавшие меня пассажи вроде: «церковь восторга от нас отлучилась», «голеньки, как у Маугли, руки мои подними...», и тому подобное. Но это — случайные строки в сборнике «Набело».

В книге почти нет стихов сюжетных, мало портретов и пейзажей — то есть вещей такого плана, которые всегда удавались Римме Казаковой. Главное здесь

— раздумья, размышления наедине с собой. Такие стихи она писала и раньше, но сейчас появилось нечто новое в ее лирике. На мой взгляд, это — большая концентрация чувства, большая определенность выводов, большая резкость суждений. Оценивая свой сегодняшний день, автор пристально всматривается в прошлое — в ту нелегкую, принесившую и радость, и горе жизнь, — чтобы спокойно и открыто глядеть в будущее.

Да, прежде чем сказать, много думано-передумано. Много увидено или отринуто. Строки полны силы, достоинства, чести, поэтому они надолго остаются в памяти:

...Много шума узнала душа,
Много ярости в ней
накопилось.

...Надо выйти из прошлого,
как из воды, —
чуть пошатываясь,
тяжело и упрямо.

...А в юности не замечалось,
что жизнь,
как выяснилось, — труд!

...Выпрастываясь из потерь,
жизнь улыбается живая.

Сам понимаю, что не совсем ловко чувствуют себя вырванные из контекста строки, и все же они дают представление об ос-

новных направлениях авторских раздумий. Лучшие стихи сборника — тревожные, страстные или исполненные доброты и великой нежности: «У меня был отец...», «Пока вы живы, старшие мои...», «Я вспомнила о юноше одном...», «Были слова. Но потом, а сначала...», «Командир партизан посылает в разведку жену...», «Я знаю, что дарю...» — эти стихи и определяют генеральную тему книги.

Как пройдено много,
как видно много,
и я понимаю теперь,
куда ты вела,
молодая тревога,
дорога надежд и потерь,
какое лицо у меня в России,
что — все эти ночи и дни,
куда пропадают
душевные силы,
откуда берутся они.

Мне видится, что в данной книге лирическая героиня Р. Казаковой производит жесткую корректировку своего места в жизни, соотносит его с такими ориентирами, как Родина, история, гуманизм, высокие идеалы, — так же как в бескрайнем море капитан определяет положение корабля по высоким звездам. «...У меня характера не было — появился характер» — таково самопризнание, уже говорящее о многом. В самых разных сти-

хах он проявляет себя, этот характер. Римма Казакова, вынося плоды своих уединенных раздумий на суд читателя, глядит ему прямо в глаза.

У лирической героини Риммы Казаковой прекрасная пора обретения счастья. Но к этому привел долгий путь поиска, ошибок, на котором черное не раз принималось за белое. Мне очень понравилась строка молодой поэтессы Л. Копыловой из «Дня поэзии — 78»: «Да, мера счастья велика. Давай беречь!». После книги Риммы Казаковой я понимаю, что этого мало — только беречь. Лирическая героиня сборника «Набело» имеет тревожное право спросить любимого человека:

Выдержат ли твои руки,
выдержит сердце твое
не неизбежность разлуки,
а невозможность ее?

И, не ломая, а строя,
в тесном и честном кругу
выдержишь ли
то, что все я
выдержать в жизни смогу?..

Поэтесса не боится в своих стихах опираться на реалии бытия, ее героиню обретенное счастье не отрывает от будничных забот женщины, но и не погружает в них. Римма Казакова понимает, сколь узка, а где-то и

неясна в стихах подобного плана грань, за которой начинаются благодущие, самоуспокоенность — подъездные пути мещанства, — и ставит перед нею заграждение из не допускающих различного толкования слов:

...Выбор — не угадка,
это — риск,
это — вызов,
это — жизнь сама.

Перефразируя известное словосочетание, хочу сказать, что и к своему товарищу по счастью обращает она в стихотворении, вернее, в заклинании, знаменательные слова:

Большо взаимнейшей доли
Пусть твое сердце болит.

Пусть! Исцелю — как велит
все, что сама я постигла.
Так горевать не постыдно!
Пусть твое сердце болит.

В новой книге Риммы Казаковой две главные лирические темы смыкаются в одном — в жизни неувержденности, которое далось не хорошо и легко сложившейся судьбой, не удачей, не фортуной. Этот оптимизм отнюдь не розовый, не наивный, он — выстрадан. Добыт в столкновениях с несправедливостью, проверен в непрекращающейся схватке со злом, лицемерием, низостью.

«Да, было. Да, любила. Да, жила». — говорит Римма Казакова, заново оценивая прежнее, постигая настоящее, веря в будущее.

Олег ДМИТРИЕВ